

Кожина А.А., Башири А.С. К ВОПРОСУ ОБ АНАЛИТИЗМЕ И СИНТЕТИЗМЕ В ОБЛАСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3(15). С. 46-51.

**Авторы:** Кожина А.А., Башири А.С.

**Тема:** Морфология русского языка

**Дата публикации:** 2011

**Издатель:** Пермский университет (Россия)

**Аннотация:** *Статья посвящена изучению вопросов развития деривационного аналитизма и непосредственно связанной с ним тенденции к синтетической деривации в глагольных интернационализмах русского языка. В статье сопоставляется время появления глагола и соответствующего ему неоднословного наименования в русском языке, рассматриваются преимущества синтетического и аналитического способа номинации, семантическая структура глагольной лексемы и глагольно-именной синтагмы, делаются выводы о некоторых закономерностях движения языка по шкале синтетизма-аналитизма на примерах из «Национального корпуса русского языка» и материалах, представленных в Интернете.*

## **К ВОПРОСУ ОБ АНАЛИТИЗМЕ И СИНТЕТИЗМЕ В ОБЛАСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Как представляется, проблема определения степени аналитизма языка является непреходящей, несмотря на то, что индексы аналитизма давно рассчитаны. Во-первых, в разные периоды существования языка могут наблюдаться как синтетические, так и аналитические тенденции. Так, например, в коллективной монографии, посвященной типологии славянских языков, отмечается: «рассмотрение тенденций к аналитизму доказывает, что они сопровождали развитие славянских языков практически с праславянских

истоков», соответственно, «процессы аналитизма и тенденция к проявлению синтетизма в славянских языках являются если и не параллельными, то взаимосвязанными явлениями, в которых явления аналитизма нередко являются лишь условием для позднейшего синтетизма, но на новом уровне» [Єрмоленко та ін. 2008: 185].

Во-вторых, различные языковые подсистемы в различной степени подвержены изменениям, в том числе и связанным с дрейфом языков между полюсами аналитизма-синтетизма. И поскольку, как известно, наибольшей изменчивостью отличается именно лексика, закономерно было бы именно в ней искать следы преобладания или затухания названных тенденций. К тому же одной из причин возникновения изменений на уровне лексической подсистемы является ее постоянное бомбардирование иноязычными элементами, которые лексика должна принять, тем или иным образом адаптировать и усвоить. Безусловно, не следует преувеличивать иноязычное влияние на названные выше процессы. Так, говоря о становлении аналитизма английского языка, Э.Сепир указывал: «Важно подчеркнуть непрерывное, самодовлеющее развитие английского языка и весьма скромные размеры тех влияний, которым его внутреннее строение подвергалось извне» [Сепир 1993: 181]. Но, несмотря на то, что подобным образом можно квалифицировать и русский язык, интересно было бы взглянуть на поведение, по крайней мере, некоторых частей речи.

В статье используются следующие методы исследования: метод исследования семантической и словообразовательной структур, дескриптивный и элементы количественного метода.

Нельзя не признать, что появление в русском языке иноязычного существительного и глагола происходит различным образом. Если в случае первого может быть достаточным грамматическое оформление по законам заимствующего языка в понимании Л.Б.Крысина [Крысин 1968: 35-46], то для второго в большинстве случаев необходимым будет грамматическое освоение, приспособление слова к грамматической системе языка, являющееся

длительным процессом. Одним из этапов этого освоения будет усложнение словообразовательной структуры глагола, оснащение ее необходимыми суффиксами. По словам Е.А.Земской, «глагол - это такая часть речи, которая в русском языке не может существовать без формальных показателей своей глагольности. Глагол служит синтаксической основой высказывания, ему подчиняются имена. Вследствие этого глагол с заимствованной основой не может быть “голым”, он должен иметь формальные показатели своей глагольности» [Земская 2003: 101]. Поэтому правомерно (и принято) говорить не о заимствованном глаголе, а о глаголе с заимствованной основой. И эту основу он чаще всего делит с именем – непроизводным (*квотировать – квота*) или производным (*манипулировать – манипуляция*), причем непосредственные словообразовательные отношения здесь будут достаточно сложными. Именно наличие соответствующего имени обуславливает и вторую возможность адаптации необходимой номинации к русской языковой системе, а именно деривационный аналитизм. В белорусской лингвистике в связи с подобным типом деривационной активности наиболее значимы работы В.М. Никитевича, который рассматривал разноуровневые структуры, способные замещать друг друга в процессе коммуникации (выделяются словообразующая, детерминирующая, транспонирующая и предизирующая формы), определяя тем самым предмет функциональной ономазиологии [Никитевич 1985]. Идеи В.М. Никитевича были продолжены в работах А.В. Никитевича, посвященных русскому глаголу (см., в частности, [Никитевич 2004]). В связи со сказанным выше о характере заимствования глагольных лексем и положениями, выдвинутыми названными исследователями, глаголы с заимствованной основой и коррелирующие с ними глагольные деривационные сочетания представляют особую область лексической системы, нуждающуюся в самостоятельном исследовании.

В.М.Никитевич указывал, что „когда нет готового слова, и оно по морфологическим или другим причинам, например, в силу консерватизма нормы, не может быть создано, более сложная, чем отдельное слово,

номинативная единица становится единственным средством выражения требуемого понятия” [Никитевич 1985: 22]. Действительно, в случае заимствований нередко наблюдается появление отдельной номинации раньше, чем соответствующего глагола, ср. временной интервал в тридцать лет между первой фиксацией деривационного сочетания и однокоренного глагола: *Совершив свою манипуляцию и пророческое предсказание над головою Арапова, Ярошинский ушел в ту же дверь, в которую перед тем вышел его племянник* (Лесков 1864)<sup>1</sup> и *...вся масса манипулировала и двигалась, как один человек!* (Имеретинский 1893). Однословная форма выражения при этом может вообще не получить распространения. Так, для глагола *вегетарианствовать* «Национальный корпус русского языка» приводит только 2 употребления (*Он вегетарианствовал, ходил с посохом и называл всех братьями и сёстрами.* (Ходасевич 1924)), а для отдельного именованного *быть / стать / являться вегетарианцем*, которое появляется раньше (*Не будет ошибки сказать, что наш рабочий в течение 180-190 дней из 365 является настоящим вегетарианцем.* (Эрисман 1871-1908)), фиксируется 47 употреблений.

Наблюдается и обратный процесс: несмотря на существование и активное употребление соответствующего глагола, через какое-то время ему «на подмогу» приходит аналитическое именование, причем подобное явление наблюдается на различных этапах существования русского языка, ср. в XVIII веке появление глагола: *Он вроде бы как очень небрежно симпатизирует грекам, и написал, что эти люди по происхождению англичане.* (Татищев 1739-1750)), а позже фиксацию деривационного сочетания: *Тетушка моя получила к нему симпатию и приняла его в свой дом в наставники своим детям.* (Фонвизин 1788). Вот еще пример: *...гарантировать им вотчинные права, пожалованные им на аренды.* (Радищев 1790) и *Полиция эта должна употребить всевозможные старания, чтобы приобрести нравственную силу, которая во всяком деле служит лучшей гарантией успеха.* (Бенкендорф 1826). Подобное можно наблюдать и в XX веке: *Инженер Гарин — величайший провокатор, слуга дьявола. Его задача — девальвировать доллар. Но этого он*

не добьется... (Толстой 1925-1927) и *Из всех слов женского рода это слово претерпело наибольшую девальвацию* (Венедикт Ерофеев 1958-1990).

Очень часто, однако, бывает, что синтетическое и аналитическое именованья появляются приблизительно в одно и то же время: *Деление **инфицированных** парамециумов и средство, благодаря которому они избавляются от паразитов.* (Мечников 1892); *Отдельные члены этой среды почти ежеминутно **инфицируют** друг друга своими мыслями* (Бехтерев 1898-1925) и ... *очень близкие организмы ... могут, с одной стороны, быть нападающими хищниками, а с другой — паразитами, **производящими** настоящую **инфекцию**.* (Мечников 1892). При этом глагол и соответствующее ему неоднословное наименование с участием существительного могут появляться одновременно даже в том случае, если само существительное фиксируется раньше: *В противном случае, как в великоленном «Лире» — явится новая сила, сила концепции, но общего с «Записками» никогда ничего не обнаружится и все, что к ним прибавится — будет диссонансом, их порчей и **фальсификацией**.* (Анненков 1852-1874); *Превращение искусства в средство наживы — серьезный проступок при всех обстоятельствах, но в данной случае это положительно преступление, поскольку оно насилует личность автора и **фальсифицирует** искусство.* (Горький 1906) и ... *в научности, в легкомыслии, в глупости; и почему я в тех случаях, когда не находил готовым того, что мне нужно было, искусственно добывал его себе — **пускался на фальсификации**, выдумывал (а что другое делали поэты?)* (Шестов (1903). Вот еще пример: ... ***пастеризация** молока при 60° не всегда достаточна, чтобы совершенно уничтожить в нем туберкулезные бактерии и споры бактерий масляного брожения.* (Мечников 1907-1913) и *Молоко кипятят или **пастеризуют** — нагревают до 70-80°C (**пастеризации** на заводах **подвергается** все молоко).* («Химия и жизнь» 1966). Приведенные закономерности появления и существования однословных и неоднословных номинаций с участием заимствованных основ нуждаются в дальнейшем изучении, однако, думается, полученные данные будут распределяться равномерно. Это можно объяснить

тем, что сама система русского языка не «приняла решения» относительно удобства и выгоды тех или иных конструкций. Тем более нерешенным остается этот вопрос для лингвистов, начиная с Ф.И.Буслаева и А.А.Потебни. И если первый полагал, что глагол «сам по себе выражает действие нагляднее, нежели описательные формы, состоящие из имени и отвлеченного глагола» [Буслаев 1881: § 257], то второй считал «содержание имени [в составе сочетания – А.К.] обильнее признаками (конкретнее), чем содержание соответствующего глагола» [Потебня 1968: 278].

Сравнивая преимущества аналитического и синтетического способа, следует сказать, что, с точки зрения закона экономии речевых усилий, выигрывает, безусловно, второй. Быть может, этим объясняется тот факт, что никакой «консерватизм нормы» или фонетическая необычность не мешает соответствующему глаголу прорваться в пару аналитическому сочетанию. Современный Интернет приводит огромное количество подобных случаев. Вот один пример: практически одновременно с описательным теннисным термином *сделать брейк* (*Она сделала один брейк — и счёт стал 2: 5.* («Известия» 2003.01.23)) появляется глагол *брейковать*: *Ну Бердых прям скажем не огонь, с Петцинером игра опять же очень неуверенная, тяжело ему будет брейковать Изнера.* (<http://winbetting.ru>)<sup>2</sup>. На помощь мирно существующему выражению *делать / сделать маникюр* приходит глагол *маникюрировать*: *Я не хожу к маникюрше, потому что маникюрировать нечего* (<http://romashka-b.livejournal.com>). При этом время заимствования часто не имеет значения – оглаголивание подвергаются как неологизмы, так и давно существующие в языке слова. Так, лексема *сюрприз*, участвующая в известном сочетании *сделать сюрприз*, фиксируется словарями с 1806 г. [БАС 14 1963: 1385], однако образованный от нее глагол в настоящее время активно функционирует в Интернет-пространстве: *Тем самым могу завалетить и сюрпризировать.* (<http://www.fusionclub.ru>). Наличие в приведенном примере еще одного глагольного неологизма, как представляется, указывает на пристрастие интернаутов к экономии речевых усилий. В некоторых случаях,

однако, коммуниканты могут, скорее, реализовывать языковую поэтическую функцию – свежий глагол делает речь выразительнее и образнее, как это, например, наблюдается в следующем диалоге – Вопрос: *Как правильно комплиментировать даму?* – Лучший ответ: *Сначала надо раскомплиментировать! Потом комплиментировать, алкоголизировать – и этим всё аргументировать!* (<http://otvet.mail.ru>).

Говоря о преимуществах аналитических номинаций, исследователи обычно отмечают их связь с общеязыковой тенденцией к наибольшей мотивированности обозначения, стремлением к точности и выразительности. Так, еще Ф.И.Буслаев отмечал, что в таких выражениях «разлагающих название действия на глагол и имя, оказывается возможность определять самый предмет... напр. *держат умную речь* (вместо *умно говорят*)» [Буслаев 1881: § 257]. И если в некоторых случаях эквивалентная замена конструкции с атрибутом на глагол с сирконстантом возможна (ср. *Для локализации аварии и ликвидации ее последствий было необходимо ... провести полную дезактивацию местности.* («Встреча» (Дубна) 2003.04.23) – ср. *полностью дезактивировать*), то часто подобрать эквивалентное определение действия, выраженного глагольной лексемой, невозможно: *Это логичное решение для такой компании — сделать долгосрочные инвестиции.* («Известия» 2002.05.29), или *...игуменья Митрофания, перед разбирательством её дела в московском суде, была подвергнута некоторому бойкоту со стороны видных уголовных защитников* (Кони 1908). Это особенно очевидно в случае, когда существительное снабжено сложной определительной конструкцией: *Это великолепно изданный, снабженный богатым подбором хорошо выполненных иллюстраций и к тому же недорогой том.* (Литературная газета 1950.01.11) (ср. *снабдить иллюстрациями – иллюстрировать*).

Безусловно, аналитический способ именованя действия более предпочтителен и в случае, когда нужно выразить эмоциональную оценку. Так, нейтральное выражение *делать/сделать гримасу/гримасы* (ср. *гримасничать*) сопровождается живописный набор оценочных конструкций с участием глаголов

корчить/скорчить, кривить/скривить, строить/состроить, скроить, сморщить.

Действительно, как это неоднократно указывалось, „более сложный, чем слово, его номинативный эквивалент обычно обладает большими дифференцирующими возможностями и поэтому может актуализировать те элементы номинации, которые стираются в самом слове” [Никитевич 1985, 121]. Так, глагол *абсолютизировать* ‘сделать (делать) безусловным, самодовлеющим, довести (доводить) до абсолюта’ [МАС 1 1985: 19] содержит, скорее, негативную оценку действия, им называемого, о чем свидетельствуют контексты, в которых он встречается, например: *Нельзя абсолютизировать ни миграций, ни параллельного развития культур, — нужно подходить к проблеме конкретно и экспериментировать, а не перебрасываться доказательствами, которые можно толковать и так и сяк.* (Сенкевич 1999). При этом генетически связанное с ним прилагательное *абсолютный* или существительное *абсолют* подобной оценки не содержат. А расчлененное наименование действия, содержащее именной компонент, может быть как негативно, так и позитивно окрашенным: *Функциональность, доведенная до абсолюта, нередко оборачивается стилистическим примитивизмом.* («За рулем» 2004.02.15), с одной стороны, а, с другой, — *Горцы, как известно, гостеприимство довели до абсолюта.* («Вокруг света» 1990). Конструкция же *возводить/возвести в абсолют* чаще используется именно для номинации положительно оцениваемого действия: *Ценность каждой человеческой жизни должна быть возведена в абсолют как на уровне государства, так и на уровне общества.* («Известия», 2001.09.14).

Аналитические номинации позволяют развести значения многозначных лексем. Так, глаголу *дифференцировать*, имеющему значения ‘разграничить (разграничивать), расчленить (расчленять), выделить (выделять) разнородные элементы при рассмотрении, изучении чего-л.’ и ‘найти (находить) дифференциал’ соответствуют, по крайней мере, два глагольных деривационных сочетания — *осуществлять/осуществить дифференциацию* (А



между тем опыт жизни реального коммунистического общества в Советском Союзе позволяет **осуществить** тут **должную дифференциацию**. (Зиновьев 1988-1998) и **находить/найти дифференциал** (Если бы можно было найти дифференциалы  $dL$ ,  $dL1$ , то рассмотрение вариаций, обозначенных через  $D$ , стало: бы излишним. (Остроградский 1854).

Однако не всегда расчлененные именованья выполняют возложенную на них функцию дифференциации и уточнения смыслов. Как представляется, описанный С.О.Карцевским [Карцевский 1965] асимметричный дуализм языкового знака заставляет и их вступать в нежелательные в данном случае отношения полисемии и омонимии. Так, глагол *балансировать* имеет, по данным словаря, три значения: ‘сохранять при неустойчивом положении равновесие посредством телодвижений’; ‘уравновешивать вращающиеся части механизмов’ [МАС 1 1985: 57]; ‘приводить в правильное соотношение между собой взаимно связанные стороны какой-л. деятельности; уравновешивать’. «Национальный корпус русского языка» представляет, по крайней мере, еще одно значение: ‘составлять бухгалтерский баланс’: *Хотя я бы балансировал бюджет при \$18-18,5 за баррель, отказавшись от профицита и накопления нового резерва.* («Известия» 2003.03.03). Принимая в внимание тот факт, что деривационное сочетание и соответствующая однословная номинация должны иметь одну деривационную базу, которая в первом случае реализуется в составе именного компонента (в данном случае это два существительных – *баланс* и *балансировка*), обнаруживаем сразу несколько репрезентирующих рассматриваемый глагол сочетаний: *составлять/составить баланс, делать/сделать баланс, реализовывать/реализовать баланс, балансировку, осуществлять/осуществлять баланс, балансировку; проводить/провести балансировку*. То есть, у говорящего имеется возможность распределить выражение значений многозначного слова между аналитическими конструкциями, причем те из них, в состав которых входит лексема *балансировка*, должны были бы использоваться для обозначения уравновешивания частей механизмов, поскольку значение лексемы *баланс* (см.

МАС 1 1985: 57) не содержит соответствующей технической составляющей. Однако практика показывает, что только конструкция *составлять/составить баланс* используется исключительно для обозначения процесса создания бухгалтерского документа (*За годы Советской власти были **составлены** семь таких межотраслевых балансов: за 1959 г. с выделением 83 отраслей материального производства, за 1966 г.* («Вопросы статистики» 2004.12.23), а *проводить/провести балансировку* – для обозначения уравнивания частей механизма (*Если вы захотите купить в «Автотемпе» еще и новые зимние шины, то компания бесплатно их установит и **проведет** их балансировку.* («Автопилот», 2002.10.15).

Остальные же сочетания могут с успехом принимать участие в обозначении совершенно различных процессов. Так, конструкция *делать/сделать баланс* применяется в бухгалтерской сфере (*Попросили **сделать** баланс, в организации где нет бухгалтера. Фирма занимается и оптом и розницей.* (<http://buhgalter.by>)); в фотографии (*А именно как **сделать** баланс белого на фотографиях?* (<http://megauroki.ru>)); в технической области (*Чем **сделать** баланс форсунок, если нет тестера форсунок?* (<http://autodevice.ru>)). Сочетания *реализовывать/реализовать баланс, балансировку, осуществить/осуществлять баланс, балансировку* используются для выражения абстрактной идеи уравнивания сторон какой-либо деятельности (*Так он ответил на вопрос о том, как **реализовать** баланс между чувством радости и работой по обеспечению безопасности во время Олимпиады* (<http://russian.xinhuanet.com>); *Поэтому коллектив индивидов обладает иерархией, позволяющей более эффективно **осуществлять** балансировку ассоциативных характеристик своих индивидов.* (<http://kia54.narod.ru>); *Любой разум конечного мира может **осуществить** баланс бесконечности в себе, следуя балансу точки бесконечности* (<http://refferat.com>)); для обозначения технического уравнивания частей механизмов (*Горизонтальные балансировочные станки позволяют **осуществлять** балансировку роторов различной конфигурации.* (

gotec.ru)) и в компьютерной сфере (*Необходимо реализовать баланс трафика между отдачей и закачкой друзьями контента из интернета, между пользователем и торентом.* (<http://bsdportal.ru>); *А вот как осуществить балансировку исходящего трафика так, чтобы А ходил через А, Б через Б, в случае падения А - все через Б?* (<http://opennet.ru>); *Способов реализовать балансировку трафика между каналами достаточно много, начиная от динамической маршрутизации и заканчивая многотабличным роутингом.* (<http://nestor.minsk.by>); *Но современные средства терминального доступа, как правило, способны работать с кластерами серверов и осуществлять баланс загрузки.* (<http://compress.ru>)).

Из сказанного можно сделать вывод о том, что и в такой специфической области, как глаголы с заимствованной основой и коррелирующие с ними аналитические деривационные сочетания, трудно определить вектор развития языковой системы – от синтетизма к аналитизму или наоборот, что полностью подтверждает идею А.А.Потебни, высказанную им более чем столетие тому назад: «...отдельные случаи не указывают на то, что течение языка направлено от глагола к “описанию”» [Потебня 1968: 278]. На основании исследованных материалов можно предположить, что обе тенденции будут развиваться, уравновешивая друг друга. То есть, ответом на возникающие аналитические глагольные формы может явиться синтезация как уже существующих конструкций, так и появившихся инноваций. Однако, как представляется, тенденции в указанной области лексической подсистемы требуют особого внимания и нуждаются в дополнительном тщательном изучении.

### **Примечания.**

1. Здесь и далее, если не указан интернет-адрес, пример взят из «Национального корпуса русского языка», в круглых скобках после имени автора или названия периодического издания следует год публикации произведения.

2. При приведении примера из интернет-источника в круглых скобках указывается его электронный адрес. Поскольку материал, предоставляемый данными источниками, не имеет научной или художественной ценности, а лишь служит иллюстрацией современных языковых процессов, считаем возможным не вносить ссылки на подобные источники в библиографию статьи.

### Литература

*БАС* – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / редкол.: В.И. Чернышев (гл.ред.) [и др.]. Т. 14. – Москва – Ленинград: Изд-во Академии Наук, 1963. 1390 с.

*Буслаев, Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. М.: Издание Книжного магазина наследников братьев Салаевых, 1881. 660 с.

*Єрмоленко С.С. та ін.* Исторична типологія слов'янських мов. Ч. 2 / С.С.Єрмоленко, О.С.Мельничук, О.Б.Ткаченко [та ін.]; за ред. О.Б.Ткаченка. – Київ: Довіра, 2008. – 264 с.

*Земская Е.А.* О языке русского зарубежья // *Simpozij Obdobja 20: Slovenski knjižni jezik – aktualna vprašanja in zgodovinske izkušnje* / red. A.Muha. – Ljubljana: Narodna in univerzitetna knjižnica, 2003. S. 95-106.

*Карцевский С.О.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч.2. М.: Просвещение, 1965. С.85-93.

*Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.

*МАС* – Словарь русского языка: в 4 т. / редкол.: А.П.Евгеньева (гл.ред.) [и др.]. Т.1. – М.: Русский язык, 1985. 696 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru> (дата обращения 31.03.2011).

*Никитевич А.В.* Русский глагол в составе номинативных рядов. Гродно: ГрГУ, 2004. 347 с.

*Никитевич В М.* Основы номинативной деривации. Минск: Выш. шк., 1985. 157 с.

*Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. М.: Посвещение, 1968. 551 с.

*Сепир Э.* Язык // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Общ. ред. и вступ. ст. А.Е.Кибрика. М.: Прогресс, Универс, 1993. С. 26 – 203.